

сколькими: «Я принужден был обещать Герцогу, что я к нему буду» (ч. III стр. 4); «Я слышал, любезный Маркиз, что тебе не только легче нет, но и час от часу хуже становится» (ч. IV, стр. 176); «Признаюсь я, что при наименовании сего злодея волосы у меня дыбом стали» (ч. III, стр. 147); «в состоянии ли я в толь ужасном смущении о чем ни есть рассуждать» (ч. III, стр. 44).

Заметим, что поток разговорных, принятых в живой речи слов и выражений особенно усиливается в переводе, начиная 3-й и 4-й частей романа, из чего можно заключить, что этот прием был заданной, нарочито поставленной перед собой целью Елагина.

Вполне естественно, что при такой настойчивой тенденции к народной окраске речи у Елагина крайне редки варваризмы: они в большинстве случаев перенесены из оригинала (педант, матрозы, каюта, полицмейстер, фурии, штофы). Из самостоятельно употребленных им варваризмов можно указать лишь три: кантору, характер, в шлафроке.

Примечательно также часто встречающееся в переводе слово «тронут» (ч. III, стр. 104; ч. IV, стр. 133, 152, 165), причем без какого-либо оттенка калькирования с французского; очевидно, оно бытовало в русском разговорном языке задолго до Карамзина, которому обычно приписывается «изобретение» многих русских слов путем этимологического и морфологического образования, аналогичного с французским языком, в частности и этого (*toucher* — трогать).

Мы остановились достаточно подробно на анализе особенностей, отличающих перевод Елагина; теперь перейдем к его верному ученику в литературном деле Лукину, который с поразительной чуткостью усвоил круг интересов, направленность мыслей и манеру писать, отличавшие «покровителя».

Несомненно, и для него роман «Приключения Маркиза Г***...» был не просто занимательным чтением, но и источником, откуда можно было почерпнуть морализующие наставления о любви и о дружбе, интереснейшие сведения о чужих странах, описанные во всех подробностях факты истории и быта, критические отзывы о популярных писателях и произведениях иностранной литературы. Именно так воспринимал его позже и И. И. Дмитриев, который возмущался, что «в журналах 1825 года... роман сей переименован Маркизом Глаголем и выставлен наравне с Принцем Георгом или Герционом известною с давних времен площадною сказкою». Он писал: «По этой книге я получил первое понятие о французской литературе. Читая, помнится мне, в третьем томе, описание ученой вечеринки, на